

Шашков Серафим Серафимович

Собрание сочинений С.С. Шашкова

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С32

С32 **Серафим Серафимович Ш.**
Собрание сочинений С.С. Шашкова: Том 2 / Шашков Серафим Серафимович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 336 с.

ISBN 978-5-521-30768-5

ISBN 978-5-521-30768-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

нія на нее, даже изобрѣтая чудеса въ подтвержденіе своей проповѣди и въ то-же время простирая свои жадныя руки къ конфискуемымъ еврейскимъ богатствамъ. Всѣ не обращенные въ христіанство іудеи были изгнаны съ воспрещеніемъ уносить съ собою золото и серебро. Множество ихъ погибло отъ голода, болѣзней, отъ ярости католиковъ, множество захвачено пиратами и обращено въ рабство, 80,000 убѣжало въ Португалію, полагаясь на миролюбивыя обѣщанія тамошняго короля; но испанское духовенство выслало въ Португалію такихъ надежныхъ проповѣдниковъ, что они довели до яраго фанатизма даже мирныхъ португальцевъ, и всѣ первенцы евреевъ до четырнадцатилѣтняго возраста были отданы христіанамъ, а остальные изгнаны, но многіе изъ нихъ перехвачены дорогой, обращены въ рабство или крещены силою. По случаю такой побѣды, весь полуостровъ гремѣлъ благочестивымъ ликоваіемъ. По правовѣрнымъ оставалось еще много дѣла. Въ Испаніи еще жили мориски, которыхъ тоже крестили огнемъ, зорко наблюдали за ихъ правовѣріемъ, сожигали за малѣйшее или мнимое отступленіе отъ него и, наконецъ, довели несчастныхъ до отчаяннаго возстанія, усмиренаго съ неимоверными жестокостями. Но и этого было мало. Духовенство требовало совершеннаго истребленія ихъ, доказывая, что всѣ бѣдствія Испаніи посылаются на нее свыше за то, что она терпитъ невѣрныхъ на своей землѣ. Знаменитый доминиканецъ Блада проповѣдывалъ, что необходимо перерѣзать всѣхъ морисковъ, такъ какъ невозможно узнать, кто изъ нихъ христіанинъ въ душѣ и кто нѣтъ. Епископъ Валенсія въ своей запискѣ, поданной Филиппу III-му, требовалъ изгнанія мавровъ на томъ основаніи, *что они промышленны, экономны и воздержанны испанцевъ*, которые живутъ въ крайней бѣдности, между тѣмъ какъ невѣрные, благодаря своему трудолюбію и искусству, пользуются значительнымъ благосостояніемъ. Въ 1609 г. участь ихъ была рѣшена, и до 1,000,000 этихъ честныхъ, трудолюбивыхъ людей, обогатившихъ и питавшихъ Испанію, подверглись ужасному гоненію, преслѣдовались, какъ вредныя животныя, и изгонялись въ Африку, погибая сотнями тысячъ.

Изгнаніе мавровъ и евреевъ, обогатившее духовенство, совершенно разорило страну, лишивъ ее производительныхъ капиталовъ и милліоновъ работниковъ. Испанцы въ теченіе постоянной девятисотлѣтней войны отстали отъ всякой промышленности, даже отъ земледѣлія. Масса народа превратилась въ кочевыхъ земледѣльцевъ или странствующихъ пролетаріевъ, жившихъ разбоями, грабежомъ, контрабандою. Духовенство, проповѣдывавшее презрѣніе къ благамъ міра сего, развивавшее въ народѣ отвращеніе къ труду и въ то же время захватывавшее въ свои руки большую часть національнаго богатства,—духовенство выше всего ставило тотъ трудъ, который посвященъ распространенію и охранѣ католицизма. Испанія превратилась буквально въ одну «попнистую»

церковь; каждый испанецъ считалъ обязанностью и высшею цѣлью жизни сражаться за вѣру съ крестомъ или съ мечомъ въ рукѣ, а нерѣдко съ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ; каждый испанецъ былъ или, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ быть или монахомъ, или солдатомъ, или дворяниномъ; каждому испанцу не сидѣлось спокойно на одномъ мѣстѣ, и развитая въ немъ историческими обстоятельствами страсть влекла его къ странствіямъ и необыкновеннымъ приключеніямъ. Всѣмъ этимъ бродячимъ элементамъ дало исходъ открытіе Нового Свѣта. На покореніе вновь открытыхъ земель смотрѣли прежде всего, какъ на распространеніе въ нихъ христіанства; съ этою цѣлью Изабелла снаряжала Колумба; съ этою цѣлью папа, какъ верховный владыка вселенной, раздѣлилъ новый міръ между испанцами и португальцами. Руководимые фанатизмомъ и жадною стяжаніемъ, которой нельзя было удовлетворять въ своемъ обнищавшемъ отечествѣ, самые способные и энергическіе испанцы стремились въ Америку—обращать въ католицизмъ и грабить азычниковъ. Въ религиозной пропагандѣ состояла вся нравственная задача націи, а въ грабѣжѣ заключался главный источникъ дохода какъ для государства и духовенства, такъ и для частныхъ лицъ. Своими жестокостями въ Америкѣ испанцы превзошли монголовъ, вандаловъ, гунновъ и сравнялись съ самыми кровожадными дикарями. На многихъ островахъ они истребили жителей всѣхъ до послѣдняго. На островахъ, расположенныхъ между Юкатаномъ, Флоридой и устьями Ориноко, они въ продолженіе пятнадцатилѣтій уничтожили, говорятъ, 1,000,000 людей. При Колумбѣ на Антильскихъ о-вахъ, пригласивъ къ себѣ въ гости туземную королеву, испанцы напали на ея свиту, привязали индѣйцевъ къ столбамъ и сожгли всѣхъ ихъ живыми, а королеву повѣсили. При осадѣ Мехики испанцы, по самому умѣренному расчету, убили 100,000 человекъ, въ долинѣ Отувба 20,000, на Доминго, истребивъ всѣхъ работниковъ, годныхъ для рудниковъ, они привезли съ Лукайскихъ о-въ 40,000 ч., которые вслѣдъ затѣмъ и умерли отъ жестокаго обращенія съ ними. По переписи 1508 г. на Кубанѣ было 60,000 индѣйцевъ, а въ 1517 г. изъ нихъ осталось въ живыхъ только 14,000. Полагаютъ, что испанцы истребили въ Америкѣ до 15,000,000 индѣйцевъ. Духовенство, воспитавшее въ испанцахъ кровожадную страсть и фанатическую нетерпимость, стояло во главѣ этого истребленія, побуждая завоевателей распространять христіанство посредствомъ меча и преслѣдовать инородцевъ, отступавшихъ отъ религіи, въ которую они были обращены насильно. Индѣйцы не считались даже людьми и, обращаемые въ рабство, третировались, какъ выючныя животныя. Но когда эти животныя стали вымирать отъ тягостей неволи и грозили вымереть всѣ до послѣдняго, то духовенство рекомендовало замѣнить ихъ неграми, и по его иниціативѣ въ Америкѣ утвердилось рабство негровъ. Новый Свѣтъ былъ источникомъ громадныхъ доходовъ для Испаніи. Доходы, извлекаемые съ такимъ же вар-

варствомъ, какимъ отличалось и распространѣніе католицизма. Управление Америкой было въ полномъ смыслѣ системою грабежа. Толпы испанскихъ чиновниковъ, какъ стаи хищныхъ птицъ, налетали на эту обширную страну и, насытившись вдоволь ея жизненными соками, покидали ее навсегда. Государство давило жителей невыносимыми повинностями, изолировало колоніи отъ всего образованнаго міра и разорительною системою монополій убивало всякое промышленное развитіе. Награбленное въ Америкѣ золото не обогащало даже и Испанію; оно шло на безпутную роскошь двора и аристократіи, оно тратилось на войска и религіозныя войны, оно поддерживало нѣсколько времени то наружное, мишурное величіе, которое давало странѣ право считать себя первою державою въ мірѣ и воспитывать ту ложную національную гордость, тотъ псевдопатріотизмъ, которые до послѣдняго времени удерживали испанцевъ отъ благотѣльнаго общенія съ цивилизованными народами.

Истребивъ цивилизацію мавровъ, перуанцевъ и мексиканцевъ, разоривъ свое отечество, поработивъ Америку, испанцы превратились въ фанатическихъ разбойниковъ, мечтавшихъ только объ управленіи міромъ и объ искорененіи повсюду ереси. Духовенство царствовало и надъ народомъ, и надъ королями. Проповѣдуя о грѣховности богатствъ, оно неумоимо извѣщало отъ нихъ свою паству и кончило тѣмъ, что овладѣло большею и лучшею половиною всей испанской земли, а доходы церкви равнялись доходамъ государства. Оно потворствовало воспитанной вѣками народной лѣнности, искореняло любовь къ производительному труду, плодило нищихъ и, поддерживая копѣчную благотворительность, являлось въ глазахъ народа благодѣтелемъ, заботившимся не только объ его душѣ, но и о тѣлѣ. Сотни тысячъ монастырей, церквей и часовенъ, кресты и иконы на каждомъ шагѣ, эффектные религіозныя процессіи, подложныя чудеса, подложныя мощи, безчисленное множество монаховъ обоего пола—все было устремлено на поддержаніе въ народѣ фанатизма и той обрядовой набожности, которая, считая спасительными одни только внѣшніе подвиги формальнаго благочестія, вовсе не знаетъ ничего объ истинной нравственности. Систематически развивъ въ народѣ рабское повиновеніе авторитету, воспитавъ въ немъ фанатическую жестокость и гибельный духъ нетерпимости, испанское духовенство въ лицѣ Лойолы положило основаніе іезуитизму, этой ужасной системѣ, освящавшей всякую безнравственность. Желая увѣковѣчить цѣли, наложенныя на народъ, духовенство захватило въ свои руки все народное образованіе и начало пользоваться имъ, какъ средствомъ для нравственнаго порабощенія. Умственное движеніе эпохъ возрожденія и реформацій чрезвычайно мало повліяло на испанцевъ, коснѣвшихъ въ своемъ благочестивомъ невѣжествѣ, и только послужило поводомъ къ кровавому террору святой инквизиціи. Въ Европѣ возрождалась вѣра, освобождался разумъ, развивалась наука, совершенствовалась общественная жизнь, а Испанія расходовала свои силы на фанатическую борьбу съ новыми иде-

ми какъ у себя дома, такъ и за границей. Священный трибуналъ инквизиціи зорко слѣдилъ за мнѣніями и неумоимо преслѣдовалъ всѣхъ, кто отступалъ хотя на іоту отъ того, чему его учили католическіе попы. Еретики, ученые вѣдуны и вѣдьмы, мужчины и женщины, міряне и духовные, взрослые и дѣти состояли подъ этимъ ужаснымъ надзоромъ. Шпіонство и предательство, явно поощряемые и щедро оплачиваемые духовенствомъ, становились всеобщими. Сожженіе еретиковъ сдѣлалось *«актомъ торы»* (auto-da-fe), религіозной церемоніей, народнымъ зрѣлищемъ, столь же любимымъ, какъ и бой быковъ. Въ особенно торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ, при своихъ бракосочетаніяхъ, испанскіе короли не находили ничего лучше, какъ угощать народъ и своихъ приближенныхъ, иногда даже своихъ невѣстъ, совершаніемъ этого кроваваго священнодѣйствія. «Все, что разсказываютъ о народахъ, приносящихъ людей въ жертву своимъ богамъ, далеко отъ этихъ казней, сопровождаемыхъ религіозными церемоніями. Покуты, служатъ мессу, и убиваютъ людей. Азіатецъ, прибывшій въ Мадридъ въ день подобной казни, не могъ бы догадаться, что это такое — народное ли увеселеніе, религіозный ли праздникъ, жертвоприношеніе ли или просто бойня; ауто-да-фе было всѣмъ этимъ вмѣстѣ». (Voltaire). Количество жертвъ было громадно. Въ одной только европейской Испаніи, кромѣ принадлежавшихъ ей американскихъ и европейскихъ земель, съ 1481 по 1781 г. было сожжено 31,920 еретиковъ, 16,750 сожжены въ изображеніяхъ, 291,450 человекъ приговорено къ наказаніямъ менѣе тяжкимъ, чѣмъ смертная казнь. Это вычисленіе весьма умѣренно. Утверждаютъ, напр., что одинъ только знаменитый Торквемада сожегъ 10,000 и приговорилъ къ различнымъ наказаніямъ 400,000 человекъ. Въ Ціудадъ-Реаль въ 1484 г. было сожжено 13 февраля 750 человекъ, 2 апрѣля 800, 7 мая 750, 16 августа 27, 12 декабря 950, всего въ годъ 3,377 человекъ. Протестантизмъ и всякая свободная мысль были совершенно искоренены. Народъ, развращаемый шпіонствомъ и зрѣлищемъ варварскихъ казней и вынуждаемый страхомъ инквизиціи скрывать свои дѣйствительныя мысли подъ личиною формальной набожности, началъ ханжить и лицедрить. Инквизиція убила въ Испаніи не только науку, но даже искусство, и окончательно склонила испанскій умъ подъ иго своихъ традицій. Инквизиція, кромѣ того, въ значительной степени разорила страну и обогатила духовенство посредствомъ конфискацій имущества, которымъ подвергалось большинство осужденныхъ.

Католическая іерархія, поработивъ народную мысль, воспитавъ въ націи чувство пассивнаго смиренія, совершенно извратила въ ней высокое чувство патріотизма, пріучивъ его удовлетворяться славою завоеваній и истребленія ереси. Распложая шпіонство и недовѣрчивость, внося раздоръ и въ общество, и въ семейство, вооружая вѣрующихъ такъ противъ думающихъ иначе, возбуждая бунты и пользуясь ими для своихъ выгодъ, развивая чувства нетерпимости, которыя отъ церковныхъ пред-

метовъ переносились и на мірскіе, — католицизмъ заглушалъ въ народѣ всякое сознаніе общественной солидарности, усилилъ рознь сословій и ту исконную раздѣльность провинцій, которая, существуя до нашихъ дней, дѣлаетъ неизбѣжнымъ въ будущемъ федеральное устройство Испаніи. Эта рознь и пассивность народа помогли утвердиться производу свѣтскаго господства. Когда въ Испаніи воцарились Габсбурги, въ лицѣ Карла V, страна сохраняла еще не мало остатковъ старинной свободы и въ городахъ возникло сильное демократическое движеніе. Общины Кастиліи признали власть Карла V только на слѣдующихъ условіяхъ: «Король безъ согласія кортесовъ не можетъ ни жениться, ни вводить въ королевство иностранныхъ войскъ; всѣ налоги должны регулироваться таксами, по которымъ они взились при смерти Изабеллы; всѣ новыя должности, учрежденныя съ тѣхъ поръ, должны быть уничтожены; каждый городъ долженъ имѣть въ собраніяхъ кортесовъ одного депутата отъ духовенства, одного отъ дворянства и одного отъ городского населенія, избираемыхъ каждый своимъ сословіемъ. Корона не можетъ ни руководить назначеніемъ этихъ депутатовъ, ни вліять на него. Никакой членъ кортесовъ, подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи имущества, не имѣетъ права принимать отъ короля пенсіи или должности ни для себя лично, ни для кого бы то ни было изъ членовъ своего семейства. Кортесы собираются, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ каждые три года, — даже въ томъ случаѣ, если ихъ не созываетъ король, — для изслѣдованія, соблюдаются ли законы, и для обсужденія общественныхъ дѣлъ. Судьи должны получать достаточное содержаніе и не имѣть никакой прибыли отъ постановляемыхъ ими приговоровъ или денежныхъ штрафовъ. Всѣ привилегіи, полученныя дворянствомъ въ ущербъ городскому сословію, должны быть уничтожены; управленіе городами и общинами никогда не должно быть ввѣряемо дворянину; имущества дворянства должны подлежать общественнымъ налогамъ наравнѣ съ имуществами третьяго сословія. Необходимо нарядить слѣдствіе надъ поведеніемъ лицъ, управлявшихъ коронными имѣніями съ восшествія на престолъ Фердинанда, и если король въ теченіе тридцати дней не назначитъ слѣдователей, то кортесы сами назначать ихъ... Наконецъ, король долженъ обѣщать и дать торжественную клятву въ томъ, что онъ будетъ соблюдать всѣ эти условія и отнюдь не будетъ искать случая обойти или нарушить ихъ». Движеніе городовъ началось при такихъ условіяхъ, лучше которыхъ и желать было нельзя. У Карла не было ни достаточнаго войска, ни денегъ, и онъ готовъ былъ сдѣлать какія угодно уступки. Но дворянство, закосившее въ своихъ феодальныхъ понятіяхъ, враждовало съ городами и, устремившись въ объятія Карла, сдѣлалось его союзникомъ. Города тоже соорились между собою, и каждый изъ нихъ, сражаясь съ правительственными войсками за одного себя, не только не поддерживалъ общаго дѣла, но даже вредилъ ему. Что же ка-

сается всемогущаго духовенства, то оно пользовалось этими междоусобицами, чтобы ловить рыбу въ мутной водѣ, и поочередно эксплуатируя то правительство, то города, въ сущности помогало только себѣ, хотя и содѣйствовало успѣху абсолютизма. Въ Толедо, напр., героиня Пашеко произвела возстаніе наденгя духовенства, а когда, по его расчетамъ, нужно было повернуть дѣло въ пользу правительства, то то же самое духовенство пустило въ народѣ слухъ, что Пашеко колдунья; народъ возсталъ и отторгнулъ осаждающимъ городскія ворота. Карлъ побѣдилъ. Онъ, казнивъ аррагонскаго хустиду, въ лицѣ его уничтожилъ старинный независимый судъ; онъ сокрушилъ старинныя кортесы, «коммунеросы» (общины) Кастиліи и «германію» (братство) Валенсіи. Но утвердивъ свою власть на развалинахъ свободы, Карлъ сдѣлался не свѣтскимъ деспотомъ, а верховнымъ защитникомъ католической церкви во всемъ мірѣ; поработивъ же испанцы удовлетворяли свое самолюбіе тѣмъ, что они составляютъ «священную монархію, безъ которой тотчасъ погибъ бы корабль св. Петра». Религія была главнымъ, почти исключительнымъ мотивомъ всего, что дѣлалъ Карлъ и во время мира, и во время войны. Онъ обѣщалъ папѣ употребить всѣ свои усилія, «чтобы уничтожить вовсе лютерскую секту или мирными средствами, или силою, а въ случаѣ необходимости, съ помощью другихъ государей». «Я — говоритъ онъ въ вормскомъ эдиктѣ — готовъ былъ бы пожертвовать моими царствами, моею властью, моими богатствами, моимъ тѣломъ, моею душой и моею жизнью, чтобы только положить предѣлъ нечестію Лютера». Въ Испаніи онъ не только покровительствовалъ, но даже поджигалъ ярость инквизиціи, предписывая наказывать еретиковъ «съ громомъ и силою, которыхъ требуетъ великость преступленія, и судить ихъ безъ соблюденія обычныхъ юридическихъ формальностей». (Laurent, Etudes, IX, 63). Терроръ, отъ котораго давно уже страдала Испанія, Карлъ водворилъ въ Нидерландахъ, запретивъ здѣсь «читать и хвалить еретическія книги, проповѣдывать, поддерживать публично или тайно лютеранское ученіе, учреждать сходки или собранія, дѣлать позорныя иконы или изображенія прелюбленной Дѣвы и святыхъ». За всѣ эти преступленія слѣдовала смертная казнь посредствомъ огня или меча для мужчинъ и закопанія живыми въ землю для женщинъ; въ довершеніе варварства, головы казненныхъ велѣно, ради примѣра и напоминанія, выставлять на копьяхъ... Не подвергавшимся смертной казни распространителямъ лютеранскихъ книгъ Карлъ велѣлъ «выжигать на тѣлѣ раскаленнымъ желѣзомъ знакъ креста посланнаго, чтобы его нельзя было уничтожить; имъ должно выкалывать одинъ глазъ или отрубать палецъ, по усмотрѣнію судьи». Въ 1546 г. въ Нидерландахъ было умерщвлено, по одному свидѣтельству, 30,000 протестантовъ, а въ 1562 г. — 36,000. Гроцій говоритъ, что въ продолженіе карловскаго царствованія погибло 100,000 бельгійскихъ лютеранъ. Истощавшій всѣ силы своей импе-

рии на религиозныя войны съ еретиками и магометанами, Карлъ, умирая, сознавалъ, что онъ далеко не выполнилъ своей миссии, и окончаніе ея завѣщавалъ сыну. «Повелѣваю моему сыну,—говорить онъ,—въ качествѣ отца и въ силу того повинovenія, какое онъ обязанъ оказывать мнѣ, со всевозможною заботливостію преслѣдовать и наказывать еретиковъ съ суровостію, какой заслуживаетъ ихъ преступленіе, не обращая вниманія ни на мольбы, ни на званіе, ни на положеніе виновныхъ. Съ этою цѣлью необходимо покровительствовать всюду святому учрежденію инквизиціи... Этимъ онъ удостоится благословенія, которое Господь Богъ ниспослетъ его царствованію».

Самые рьяные изъ клерикаловъ были недовольны даже Карломъ. «Послабленія императора,—говорить Рейнальди,—придали силу ереси, между тѣмъ какъ казнь Лютера и нѣкоторыхъ другихъ лицъ спасла бы міриады душъ». Но въ сорокалѣтнее царствованіе его сына, Филиппа II, сбылись всѣ желанія духовенства. Филиппъ держался правилъ, что «лучше повсе не царствовать, чѣмъ царствовать надъ еретиками», и готовъ былъ истребить всѣхъ своихъ подданныхъ, если бы они обратились въ ересь. Ради этого святого дѣла, Филиппъ жертвовалъ всѣмъ, даже собственнымъ самолюбіемъ. Онъ безпрекословно исполнялъ всѣ требованія духовенства, а духовенство въ этихъ требованіяхъ заходило слишкомъ далеко. Вотъ, напр., что писалъ королю хересскій пустынникъ, монахъ Лоренцо. «Умоляю ваше величество не имѣть никакого сожалѣнія къ еретикамъ, этимъ жесточайшимъ врагамъ Иисуса Христа. Святѣйшій царь Давидъ не имѣлъ никакой жалости къ врагамъ Божиимъ; онъ избивалъ ихъ всѣхъ, не щадя ни мужчинъ, ни женщинъ. Моисей въ одну ночь перерѣзалъ 3,000 человѣкъ изъ народа израильскаго. Ангелъ въ одну ночь умертвилъ 60,000 враговъ Божіихъ. И все-таки они, поступая такъ, не были жестокими; они только не жалѣли тѣхъ, которые не почитали Бога. Ваше величество—царь, какъ Давидъ, вождь народа Божія, какъ Моисей, ангелъ Божій, ибо писаніе такъ называетъ королей; враги же Бога живого—это тѣ еретики, тѣ богохульники, тѣ святотатцы, тѣ идолопоклонники, тѣ кровожадные зѣбри, которые не преминутъ разрушить святилище Божіе въ Нидерландахъ, если во-время не предупредить столь гибельнаго и плачевнаго бѣдствія». Святой мужъ былъ, впрочемъ, не очень требователенъ: онъ просилъ только 2,000 еретическихъ головъ, считая этого достаточнымъ для истребленія ереси. Но Филиппъ былъ государь щедрый... Истребивъ послѣдніе слѣды ереси въ Испаніи, общественное мнѣніе которой поддерживало его въ этомъ святомъ дѣлѣ, Филиппъ устремился на Нидерланды. Сущность его политики здѣсь отлично выражается слѣдующими словами герцога Альбы: «лучше имѣть разрушенное царство, сохранивъ его Богу и королю посредствомъ войны, чѣмъ имѣть его въ цѣлости въ угоду дьяволу и его послѣдователямъ, еретикамъ». Кровожадный Альба казнилъ въ одномъ только Брюсселѣ больше 18,000

человѣкъ, а число протестантовъ, истребленныхъ въ другихъ провинціяхъ, простиралось до 100,000. Желаніе Филиппа исполнилось—онъ не сталъ царствовать надъ еретиками. Нидерланды отложились, а Испанія, погубившая въ этой безмысленной войнѣ цвѣтъ своей арміи, нажила долгъ въ 800,000,000 піастровъ. При такой фанатической и совершенно искренней ревности къ вѣрѣ, Филиппъ былъ типомъ современныхъ ему испанцевъ, въ конецъ развращенныхъ католичествомъ. Преданность церкви и наружное благочестіе совершенно мирились въ немъ съ жестокостію, безсердечіемъ, вѣроломствомъ и необузданнымъ сладострастіемъ. Но развратъ былъ еще меньшимъ изъ его пороковъ. Филиппъ, подозрительный, подобно всѣмъ тиранамъ, поручилъ своему секретарю Перecu убить друга и совѣтника своего брата, Эсковеда. Эсковеда погубилъ. Духовникъ короля разрѣшилъ его отъ грѣха. Филиппъ облагодѣтельствовалъ Переца, но потомъ изъ ревности предалъ его суду за убійство Эсковеда. Перецъ имѣлъ документы, доказывавшіе участіе въ этомъ дѣлѣ самого короля; но король требовалъ ихъ выдачи. Перецъ уступилъ. Измощенный одиннадцатилѣтнимъ заключеніемъ, онъ былъ подвергнутъ ужаснымъ пыткамъ и призналъ себя виновнымъ въ убійствѣ. Онъ убѣждалъ въ Аррагонію, но здѣсь его схватила инквизиція, по просьбѣ Филиппа; онъ бѣжалъ въ Наварру, Англію, Францію, но его всюду преслѣдовали убійцы. Все это было въ порядкѣ вещей и вполне гармонировало съ общекатолическою и особенно съ испанскою моралью. Тотъ же государь, вмѣстѣ съ папою Піемъ V, причтеннымъ къ лику святыхъ, замыслили другое, возмутительное убійство. Папа писалъ Филиппу: «Нашъ возлюбленный сынъ Ридольфи, съ помощью Божіей, передастъ вашему величеству о нѣкоторыхъ вещахъ, не мало касающихся чести Бога всемогущаго и пользы христіанства... Отъ всей глубины своего сердца мы молимъ Искупителя, да поплетъ Онъ, по своему милосердію, успѣхъ тому, что предполагается совершить ради Его славы и чести». Ридольфи объявилъ, что папа предполагаетъ *убить англійскую королеву Елисавету*. Въ испанскомъ государственномъ совѣтѣ начались обсужденія, *убивать* ли ее или сначала только *завладѣть* ею; когда же рѣшили, что лучше *убить*, то возникъ вопросъ, какъ убить, и т. д. И ни одного голоса не было подано противъ этого безумнаго плана! Кардиналы и епископы, засѣдавшіе въ совѣтѣ, съ радостію ухватились за этотъ заговоръ. Герцогъ Альба возражалъ только относительно трудностей выполненія, но король настаивалъ, доказывая, что *это дѣло Божіе*, что самъ Богъ будетъ покровительствовать этому *святому предпріятію* и что его, Филиппа, ничто не можетъ отклонить отъ выполненія этого плана (Laurant, id., 92).

Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, въ своемъ характерѣ, страстяхъ, убѣжденіяхъ Филиппъ былъ продуктомъ и типомъ католической Испаніи. Его любили и обожали даже за его тиранию. И какъ-же

было не любить и не обожать такого короля испанцамъ, изъ которыхъ каждый былъ Филиппомъ въ миниатюрѣ? Могла ли не рукоплескать варварствамъ этого короля та масса, даже женщины и дѣти которой съ яростью бросали еретиковъ въ пламя; та масса, которая была убѣждена, что похвально убивать каждого отступника, и хотя немного сомнѣвалась, можетъ ли сынъ или дочь убивать своихъ еретиковъ родителей, но ни мало не сомнѣвалась въ томъ, что за ересь можно убивать своихъ дѣтей, братьевъ, сестеръ! Народъ обожалъ Филиппа и поклонялся ему, «считая, по свидѣтельству одного современника, его поведѣнію до такой степени священными, что ихъ невозможно было бы нарушить, не оскорбивъ самого Бога».

Послѣднимъ и самымъ важнымъ предпріятіемъ Филиппа II было сваряженіе знаменитой армады, имѣвшей цѣлю искорененіе ереси въ Англіи. Неудача этого предпріятія и слѣдовавшее затѣмъ изгнаніе морисковъ было началомъ быстрого паденія Испаніи. Съ 1598 по 1700 г. на испанскомъ престолѣ возсѣдали Филиппы III и IV и Карлъ II, самые неспособные изъ испанскихъ королей. Силы націи, доведенныя до крайняго напряженія при первыхъ двухъ Габсбургахъ, при послѣднихъ трехъ совершенно упали, и страна погрузилась въ апатію. Народъ былъ въ конецъ разоренъ. Правительство удерживало всѣ нормандскія, гогенштауфенскія и арабскія подати, съ *алкабалой* во главѣ, доходившей до 14% съ цѣны товара при каждой его продажѣ; оно вымогало подарки, поддѣлывало монету, силою захватывало золото, привозимое изъ Америки, отнимало металлическія деньги и взамѣнъ ихъ выдавало ничего не стоящія бумаги, закладывало иностранцамъ имущества и доходы съ провинцій, отнимало у своихъ кредиторовъ залоги и понижало проценты, издавало стѣснительные торговые законы, до того внезапно повышало налоги на первыя жизненныя потребности, что, напримѣръ, соль поднималась въ цѣнѣ съ 30 до 300 реаловъ; наконецъ, ни чиновники, ни солдаты не получали жалованья и жили грабежомъ да взятками. Промышленность пала. Испанцы разучились строить корабли и принуждены были прекратить не только торговлю по берегамъ, но и рыбный промыселъ, потому что и на моряхъ, и на берегахъ Испаніи хозяйничали не только англійскіе и голландскіе, но даже африканскіе пираты. Около тысячи городовъ и мѣстечекъ совершенно обезлюдѣли. Народонаселеніе Мадрида въ теченіе XVII вѣка съ 400,000 уменьшилось до 200,000 человекъ. Въ Севильѣ число ткацкихъ станковъ съ 16,000 упало до 300. Въ Толедо въ пятнадцать лѣтъ число шерстяныхъ мануфактуръ съ 50 съ лишнимъ уменьшилось до 13. Производство перчатокъ, которымъ славилась Испанія во всей Европѣ, вовсе прекратилось. Эстремадура превратилась въ пустыню; Валенсія, Каталонія, роскошная Андалузія утратили всякое торговое и промышленное значеніе. «Безъ иностранцевъ, — жаловались испанцы, — мы не можемъ одѣться: у насъ нѣтъ ни полотна, ни сукна; безъ нихъ мы не можемъ

писать: у насъ нѣтъ бумаги». Въ окрестностяхъ Мадрида и въ самой столицѣ царилъ голодъ, голодная смерть, ужасные разбои и убійства изъ-за куска хлѣба. Въ 1664 г. президентъ Кастиліи, въ сопровожденіи палача и военной команды, принужденъ былъ объѣзжать окрестныя деревни, заставляя жителей везти на столичные рынки послѣдніе запасы хлѣба. Сборщики податей отнимали весь домашній скарбъ, даже снимали и продавали кровли съ домовъ. Жители разбѣгались, и къ концу XVII вѣка болѣе $\frac{2}{3}$ домовъ пришли въ совершенное запустѣніе. Бѣдность простиралась до того, что не хватало денегъ даже на столъ короля, а столичная полиція съ голоду занималась грабежомъ. Всюду возникли многочисленныя шайки разбойниковъ, служація язвой страны до послѣдняго времени. Сотни тысячъ нищихъ не имѣли другого пропитанія, кромѣ монастырскихъ подачекъ. Испанія потеряла почти всѣ свои важныя владѣнія въ Европѣ, погрузилась въ апатію и анархію, а власть лишилась всякой силы и не знала никакихъ болѣе дѣйствительныхъ средствъ къ поправленію дѣлъ, кромѣ молитвъ. Даже кортесы занимались только тѣмъ, что возносили жалобныя просьбы къ иконамъ св. Яго и св. Терезіи, да вели пренія о томъ, кто изъ этихъ святыхъ способенъ помочь горю! Были и попытки освободиться изъ-подъ ига; въ 1640 г. возстали Каталонія и Португалія, за ними слѣдовали Неаполь, Сицилія, Арагонія, Андалузія, Валенсія, Наварра. Для Испаніи эти матежи приносили одинъ только вредъ: иностранныя земли отпадали отъ нея, а испанскіе матежи только усиливали анархію и всѣ неразлучныя съ нею бѣдствія.

Въ то время, какъ въ Европѣ начинался уже вѣкъ разума и владычество духовенства постепенно падало, Испанія не только оставалась въ своемъ прежнемъ невѣжествѣ, но, подъ вліяніемъ сейчасъ упомянутыхъ бѣдствій, становилась еще невѣжественнѣе и суевѣрнѣе, чѣмъ прежде. По мѣрѣ того, какъ падало правительство, усиливалось значеніе духовенства, которое съ безсердечною наглостью пользовалось бѣдственными временами отечества для накопленія богатствъ и упроченія своей тиранніи. Хищничество духовенства доходило до того, что въ 1626 г. противъ него нашлись вынужденнымъ протестовать даже правотѣрные кортесы. Въ 1690 г. въ Испаніи, при $7\frac{1}{2}$ милліонахъ жителей, приходилось на 9,000 мужскихъ монастырей 168,000 духовенства и въ томъ числѣ 90,000 монаховъ. Къ половинѣ XVIII вѣка церковь получала 360,000,000 ежегоднаго дохода, — столько же, сколько и государство. Все управленіе страной находилось въ рукахъ епископовъ и генераловъ религіозныхъ орденовъ, и лучшіе политики Испаніи говорили о государственныхъ финансахъ: «это дѣло богослововъ; они точно знаютъ состояніе монархіи». Всѣ образованные люди занимались или войной, или теологіей, или и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Испанская письменность состояла преимущественно изъ сочиненій противъ ереси, панегриковъ инквизиціи, легендъ о чудесахъ, житій свя-

тыхъ, исторій монастырей и соборовъ. Самые гениальные писатели губили свои таланты, рабски склоняя свои вѣи подъ губительнымъ ярмомъ католицизма. Лопе-де-Вега былъ попомъ, служилъ въ инквизиціи и сожигалъ еретиковъ. Морето, одинъ изъ величайшихъ драматурговъ Испаніи, былъ монахомъ. Кальдеронъ былъ капелланомъ Филиппа IV и поэтомъ инквизиціи. Знаменитый комикъ Вилья-виціоза служилъ въ инквизиціи и былъ до того проникнутъ любовью къ этому учрежденію, что завѣщалъ всѣмъ своимъ родственникамъ и потомкамъ служить въ немъ, хотя бы и на самыхъ незначительныхъ должностяхъ! Десятки другихъ, не менѣе извѣстныхъ поэтовъ, историковъ, ученыхъ были или попами, или монахами, или состояли при св. инквизиціи. Такимъ образомъ, и наука, и искусства, и литература—все было направлено къ поддержанію католицизма. Народное образованіе находилось въ рукахъ духовенства и заключалось въ одной католической схоластикѣ. Всѣ науки преподавались на самомъ варварскомъ латинскомъ нарѣчій и по средневѣковому руководству, въ которыхъ не допускалось никакихъ измѣненій. Университеты готовили только теологовъ, шпалатановъ-медиковъ, да продажныхъ чиновниковъ. Торресъ, учившійся въ саламанкскомъ университетѣ въ началѣ XVIII вѣка, говорить, что только послѣ пятилѣтняго ученія въ немъ онъ впервые услышалъ о существованіи математическихъ наукъ. Этотъ же университетъ въ 1771 г. отвергъ еретическую систему Ньютона; въ то же самое время въ Испаніи отрицали открытое Гарвеемъ кровообращеніе; вовсе не было каедръ государственнаго права, физики, анатоміи и ботаники, не было порядочныхъ географическихъ картъ, не было ни одного аптекаря, который сумѣлъ бы приготовить самое простое лѣкарство, напримѣръ, глауберову соль; не было ни инженеровъ, ни искусныхъ рудокоповъ, ни судостроителей, и вражда ко всякому нововведенію простиралась до того, что когда въ 1760 г. было предложено очистить улицы Мадрида отъ нечистоты, то это возбудило общій протестъ, поддерживаемый даже учеными докторами, доказывавшими, что «такъ какъ воздухъ тонокъ и пронзителенъ, то очень можетъ быть, что дурныя испаренія, отягчая атмосферу, лишаютъ ее нѣкоторыхъ вредныхъ свойствъ».

Окончательная гибель Испаніи была бы неизбежна, если бы духовенству удалось совершенно и надолго изолировать ее отъ всякаго вліянія образованной Европы. Но это было невозможно.

II.

Въ 1700 г. послѣдній отпрыскъ Габсбургскъ, Карлъ II, сошелъ въ могилу и въ лицѣ внука Людовика XIV, Филиппа V, на испанскій престолъ вступили Бурбоны. Управленіе Испаніей, за совершеннымъ недостаткомъ способныхъ туземцевъ, перешло въ руки иностранцевъ, преимущественно французовъ, дѣйствовавшихъ въ духѣ просвѣщеннаго

абсолютизма. Страна замѣтно ожила и поправилась. Достаточная молодежь начала ѣздить учиться въ Европу. Въ литературѣ явилось нѣсколько талантливыхъ дѣятелей, подвергавшихъ рациональной критикѣ положеніе страны и пропагандировавшихъ европейское знаніе. Появились даже сатиры на монаховъ. Поправилась промышленность, а финансы были доведены до такого блестящаго состоянія, что доходы превышали расходы. Духовенство подвергнуто налогамъ, подъ видомъ займовъ. Королевская власть начала борьбу съ инквизиціей и съ Римомъ. И все это было только подготовленіемъ къ блестящему царствованію Карла III (1759 — 1788 г.), — подготовленіемъ, выдвинутымъ на сцену нѣсколько первоклассныхъ государственныхъ дѣятелей. Во главѣ ихъ стоялъ графъ Аранда, кровный аристократъ, другъ Вольтера, поклонникъ энциклопедистовъ, представитель и средоточіе новыхъ идей въ Испаніи. Болѣе умѣренный, но и болѣе практическій Кампианесъ, крестьянинъ по происхожденію, честный патріотъ, былъ не только правителемъ государства, но и первокласснымъ, всестороннимъ публицистомъ и замѣчательнымъ ученымъ, возбуждавшимъ всюду любовь къ изученію отечества. Онъ не былъ кабинетнымъ чиновникомъ, а разѣзжалъ по странѣ, изучая жизнь, нравы, понятія и потребности народа и возбуждая самодѣятельность его посредствомъ основанныхъ имъ экономическихъ обществъ. Графъ Фроридабланка хотя и не былъ такимъ либераломъ, какъ два предыдущіе, но, какъ первостепенный дипломатъ, какъ министр во вкусѣ Ришелье, а главное, какъ заклятый врагъ клерикаловъ, онъ способенъ былъ оказать важныя услуги Испаніи, и, дѣйствительно, оказалъ ихъ. Лучшимъ же плодомъ происходившаго тогда въ испанскомъ обществѣ умственнаго движенія, безспорно, былъ Ховельяносъ, неподкупный чиновникъ, честнѣйшій патріотъ, замѣчательный поэтъ, археологъ, политико-экономъ, юристъ, историкъ, инженеръ. Это былъ всеобщій возбудитель, универсальный труженикъ въ родѣ нашего Ломоносова, но далеко превосходившій послѣдняго и прокладывавшій новые пути во всѣхъ отрасляхъ своей многосторонней дѣятельности. Онъ старался освободить школу изъ-подъ власти духовенства и, указывая въ невѣжествѣ народа коренное зло Испаніи, доказывалъ, что главная забота правительства, желавшаго блага странѣ, должна состоять во всеобщемъ просвѣщеніи народной массы.

Окруженный подобными сотрудниками, образованный и энергичный Карлъ III въ продолженіе всего своего царствованія неутомимо боролся противъ основной язвы, губившей Испанію, — католической тиранніи. Онъ ограничилъ могущество духовенства и подвергъ послѣднее налогамъ; онъ обуздалъ инквизицію и выгналъ иезуитовъ; онъ обратилъ главное вниманіе своего правительства на образованіе, основывалъ школы и академіи, направлялъ ихъ въ духѣ вѣка, протектировалъ ученыхъ и литераторамъ. При немъ ожила промышленность, легче вздохнули рабочіе классы, развились и улучшились

пути сообщенія, оживилась торговля, и средства народа до того поправились, что, не смотря на возвышеніе налоговъ, они собирались легко, а государственная казна была полна. Въ колоніяхъ были также сдѣланы важныя улучшенія, введена свобода торговли, и вслѣдствіе этого въ Испаніи ввозъ иностранныхъ произведеній утроился, вывозъ туземныхъ упатерился, ввозъ же изъ Америки увеличился въ десять разъ. Гоненія за ересь прекратились, пытки были отмѣнены, религіозные мотивы устранены изъ виѣшней политики, и, поставивъ Испанію снова на степень первостепенной державы, Карлъ вовсе устранилъ ее отъ виѣшательства въ дѣла вѣры и, вдобавокъ ко всему, заключилъ союзъ съ турками. Не перечисляя другихъ не менѣе важныхъ реформъ и улучшеній, скажемъ только, что Испанія совершенно преобразилась во всѣхъ отношеніяхъ и, новидимому, пошла по той же дорогѣ, по которой шла Франція при послѣднихъ Бурбонахъ.

Но горе было въ томъ, что все это движеніе захватывало только малочисленный верхній классъ общества и не проникало въ глубь народной массы, которая попрежнему оставалась въ невѣжествѣ, суевѣрно преклонялась передъ авторитетомъ каждаго попа и монаха, не возбуждалась къ самостоятельности, и только, по своей исконной привычкѣ къ повиновенію, слушалась узды, находившейся въ искусныхъ и энергическихъ рукахъ. Даже при Карлѣ можно уже было видѣть, чего слѣдуетъ ожидать отъ этой массы въ томъ случаѣ, когда измѣнится къ худшему личный составъ правительства. Черезъ годъ послѣ изгнанія іезуитовъ, напр., въ одинъ торжественный день Карлъ выходитъ на балконъ своего дворца, готовый дать народу все, чего онъ ни попроситъ. И граждане Мадрида почти единогласно начали умолять его, чтобы онъ облагодѣтельствовалъ Испанію, дозволивъ вернуться въ нее братьямъ святого іезуитскаго ордена!.. Слѣпо вѣрившая своимъ духовнымъ руководителямъ, масса была готова помогать имъ въ ниспроверженіи всѣхъ еретическихъ реформъ и въ восстановленіи церковныхъ привилегій, ограниченныхъ правительствомъ Карла, удалившимъ отъ управленія государствомъ поповъ и прелатовъ и замѣнившимъ ихъ свѣтской аристократіей.

Въ концѣ 1788 г. Карлъ III умеръ и воцарился Карлъ IV, человекъ невѣжественный, ограниченный и безсердечный, равнодушный къ религіи и въ то же время лицемерный почитатель ея. Дорожный силачъ, ловкій охотникъ, хорошій кучеръ, онъ не обладалъ никакими другими талантами и находился подъ башмакомъ жены, итальянки, Маріи Луизы. Она успѣла привязать недалекаго короля не только къ себѣ, но даже къ своему любовнику Годю. Въ день коронаціи Карлъ явился къ народу со всей семьей, обнимая одною рукою шею Годю. Не видя его день—и, уже самъ не свой отъ стука, спрашиваетъ: «гдѣ же мой Мануильчикъ?» Старая, подурившая, беззубая королева была очень ревнива къ мужу, не по любви, а изъ желанія властвовать надъ нимъ; она упо-

требляла всѣ усилія, чтобы устранить Карла отъ встрѣчъ съ женщинами, которыя могли бы увлечь этого сорокалѣтняго толстяка. Она высылала изъ Мадрида всѣхъ сколько-нибудь подозрительныхъ красавицъ. Еще болѣе ревнива она была къ Годю, которому было воспрещено всякое общество, особенно женское, и онъ былъ постоянно окруженъ шпионами королевы. Быстро повышая Годю, королевская чета сдѣлала его грандомъ, маркизомъ, герцогомъ, первымъ богачемъ, первымъ вельможей Испаніи, правителемъ государства. Этотъ пустой и развратный гвардеецъ былъ до того невѣжественъ, что, уже будучи нѣкоторое время министромъ, впервые узналъ, что Россія и Пруссія не одно и то же, и называлъ ганзейскіе города (*villas hanseaticas*) *азиатскими островами* (*islas asiaticas*)! Но онъ обладалъ здоровымъ, красивымъ тѣломъ и, благодаря этому, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ былъ фактическимъ королемъ и губителемъ Испаніи. При дворѣ началось господство самыхъ грязныхъ интригъ. Испанцы скандализировались открытою связью королевы съ Годиемъ. Пасквили проникали даже въ покои короля. Столица наполнилась шпионами. Начались аресты и административныя ссылки. «Недовѣріе—писалъ русскій посланникъ (Испанія девятнадцатаго вѣка, А. Травчевскаго) — господствуетъ среди всякаго рода лицъ, принадлежащихъ ко двору. Уже не существуетъ большихъ собраний, и всякій старается избѣгать двора изъ опасенія навлечь на себя немилость по простому подозрѣнію». Всѣ порядочные люди были удалены. Годю хозяйничалъ въ государствѣ и опустошалъ казну. Уже осенью 1790 г. оказалось, что въ казначействѣ недостаетъ 7,000,000 реаловъ, назначенныхъ на уплату рабочимъ въ гаваняхъ, но вятыхъ королевой «на свои нужды», т.-е. для Годя. Въ то время въ сосѣдней Франціи началась революція, а въ Испаніи ожесточенное гоненіе «вредныхъ идей», выдуманныхъ французскими еретиками. Всѣ ученыя и литературныя общества были уничтожены; въ университетахъ запрещено преподаваніе философіи, при чемъ министръ, распоряжавшійся этимъ, замѣтилъ, что его величество не нуждается въ философахъ; офицерамъ запрещалось «говорить о нынѣшнемъ положеніи Франціи», газетамъ предписывалось «ничего не печатать о французскихъ дѣлахъ», инквизиція усилила свою полицейскую и цензурную дѣятельность; даже испанскимъ посланникамъ запрещалось имѣть запрещенныя французскія книги; изъ Мадрида высланы всѣ лица, не имѣвшія «опредѣленныхъ занятій», и приняты «пристойныя мѣры, чтобы выслать пристойнымъ образомъ всѣхъ французовъ, «безстыдныхъ врадовъ и болтуновъ»; проживающіе въ Испаніи иностранцы обязаны были присягнуть королю и католической церкви, отказаться отъ своихъ званій, титуловъ и отъ всѣхъ сношеній съ своимъ отечествомъ, подѣ страхомъ каторжной работы, тюрьмы и конфискаціи имущества. Всѣ эти безумства сначала возбуждали въ обществѣ нѣкоторый ропотъ, и указы, наклеенные на улицахъ

столицы, «наглый, по своей природѣ, мадридскій народъ» нерѣдко «одни мерзостями гадилъ, а другіе разрывалъ», по словамъ нашего посланника. Но духовенство не дремало, оно во всё свои рты проповѣдывало, что французскіе революціонеры—враги Бога и разбойники, что они грабятъ церкви, ругаются надъ вѣрой, истребляютъ духовенство и, педовольствуясь гибелью Франціи, устремляютъ свои преступные взоры на хранительницу и защитницу вѣры—Испанію. Общественное мнѣніе было фанатизировано, а Годой, переходя въ иностранныя дѣла отъ одной нелѣпости къ другой, хлопоталъ о защитѣ «праваго дѣла». боялся конвента, хотѣлъ вступить съ нимъ въ нейтральный союзъ, въ то же время интриговалъ противъ него и довелъ французовъ до того, что они рѣшили объявить войну Испаніи. Это событіе и вѣсть о казни Людовика XVI подняла на ноги весь Пиривейскій полуостровъ. Народъ гонитъ и избиваетъ французовъ, какъ въ древности онъ гналъ и избивалъ евреевъ или морисковъ; провинціи волнуются, предлагаютъ деньги и солдаты для войны съ мятежной шайкой революціонеровъ; одни жертвуютъ на войну миліоны реаловъ, другіе—своихъ дѣтей, третьи—приданое женъ, нѣкоторые—последніе свои башмаки; въ столицу то и дѣло вступаютъ отряды вооруженныхъ волонтеровъ; на защиту святого дѣла вооружаются монахи, бѣглецы, вернувшіеся добровольно изъ своихъ убѣжищъ, разбойники, а контрабандисты Сьерры-Морены выставляютъ отрядъ въ 300 человекъ. Король съ гнѣвомъ клянется наказать Францію; чувствительная королева утопаетъ въ слезахъ, а трусливый Годой храбро извѣщаетъ иностранные дворы, что доведенная имъ до впечтлоства Испанія жестоко покараетъ мятежныхъ французовъ. Началась безмысленная, позорная война, оконченная въ 1795 г. миромъ, за который Годой получилъ титулъ *кнзя мира*, земли, приносящія 1,000,000 ежегоднаго дохода, лейбъ-стражу, превосходившую своимъ блескомъ королевскую гвардію. Теперь онъ вознесся на вершину своего могущества, повелѣвалъ даже королевой, раздавалъ должности родственникамъ своихъ безчисленныхъ любовницъ, безумно расточалъ послѣдніе остатки казны и вмѣстѣ съ дворомъ кутилъ напропалую. Едва окончивъ войну съ Франціей, онъ впутался въ войну съ Англіей, рѣшившись отнять у нея первенство на морѣ! Испанскій флотъ былъ уничтоженъ при первой встрѣчѣ съ англичанами, которые немедленно же убили всю испанскую торговлю и совершенно разстроили испанскіе финансы.

Положеніе страны было ужасное, и всё реформы предшествовавшаго царствованія какъ будто никогда не существовали. Безумныя войны, расточительность двора, казнокрадство и обѣднѣніе народа производили то, что съ воцаренія Карла—Годоя дефицитъ ежегодно простирался до 150,000,000 реаловъ, волѣдствіе войны съ Франціей онъ увеличился на 1.269,000,000, а въ 1797 году къ нему прибавилось еще 800,000,000. Ни соблаз-

нительныя лотереи, ни принудительные займы, ничто не могло поправить дѣла. Страна ниществовала, а дворъ поглощалъ болѣе $\frac{1}{4}$ всѣхъ доходовъ. Чиновники не получали жалованья, солдаты голодали и ходили чуть не нагіе, а вельможи имѣли царское содержаніе. Годой занималъ десятки прибыльныхъ должностей и получалъ больше, чѣмъ всё суды Испаніи, взятые вмѣстѣ. Производительность страны была парализирована. Только третья часть сельской и городской земли находилась въ свободномъ владѣніи; остальные двѣ трети принадлежали духовенству и дворянству, которыя въ нѣкоторыхъ провинціяхъ были единственными землевладѣльцами, а крестьяне—ихъ поденщиками. Эти двѣ трети земли, принадлежавшія привилегированнымъ сословіямъ, не приносили и половины того дохода, какой давала остальная, свободная треть. Промышленности не было почти никакой, и большую часть товаровъ Испанія получала изъ-за границы, на деньги, выхваченныя изъ своихъ колоній. Провинціи жили совершенно изолированно одна отъ другой, и протяженіе всѣхъ дорогъ не превышало 3,000 километровъ. Дороги были усеяны ворами и разбойниками, которые вимали дань почти съ каждаго проѣзжающаго. Дурное состояніе внутреннихъ сообщеній доходило до того, что, напримѣръ, въ Бартагенъ, по случаю голода, фунтъ дурного хлѣба стоилъ 30 франковъ, а въ Ламанчѣ, всего въ 30 французскихъ миляхъ отъ Бартагены, продавался въ изобиліи отличный хлѣбъ по 10 сантимовъ за фунтъ. Почты ходили дважды въ недѣлю изъ Мадрида только въ Кадиксъ, Барселону и Ирунь. На границахъ многочисленныхъ провинцій и при въѣздѣ въ города путешественники и товары переписывались и уплачивали тяжкіе налоги. Провинціи были населены чрезвычайно неравномѣрно и имѣли различныя мѣры, вѣсы, монету, говорили разными нарѣчіями и чуждались другъ друга. Онѣ управлялись военными диктаторами, подъ названіемъ генераль-капитановъ. Уголовное законодательство представляло изъ себя чудовищную смѣсь среднѣвѣковыхъ законовъ съ новѣйшими постановленіями; безчисленное множество специальныхъ судовъ, и притомъ такихъ, какъ инквизиція, совершенно устраняло равенство людей передъ закономъ, а взяточничество и произволъ убивали даже всякое представленіе о правосудіи. Всеобщій гнетъ, давившій всякое проявленіе мысли, доходилъ до чудовищнаго регламентирования промышленности. Правительство выдумало раздѣлить дѣятельность колоній и метрополій на специальности; такъ, напримѣръ, извѣстныя отрасли горнаго дѣла были дозволены въ колоніяхъ, но запрещены въ Испаніи, и наоборотъ. Корпоративныя цеховыя стѣсненія убивали собою развитіе ремесла. Армія набиралась посредствомъ вербовки, а флотъ пополнялся матросами, насильно захватываемыми гдѣ ни пошло. Народное образованіе со временъ Карла III совершенно пало. Подъ влияніемъ реакціи, университеты снова получили своей прежній средне-нѣковой характеръ, и съ ихъ кафедръ бездарныя

профессора, на языкѣ варварской латыни, попрежнему преподавали древнюю премудрость. Физика, астрономія, естественныя науки были въ полномъ пренебреженіи, но зато процвѣтали въ полномъ блескѣ своемъ теологія, римское право, римская казуистика и искусство схоластическаго словопрениіа. Студенты вели средневѣковую бродячую жизнь. Въ магіяхъ, съ гитарами и шпагами, они бродили по странѣ, задавали серенады, питались милостыней или кормились въ монастыряхъ. Грамотный крестьянинъ былъ величайшею рѣдкостью, а умѣвшая читать женщина навлекала на себя подозрѣніе въ безнравственности. Инквизиція, подслушивая и подглядывая каждое движеніе совѣсти и мысли, совершенно подавила литературу. Кромѣ богословскихъ книгъ, ничего не печаталось, и на всю страну существовало только четыре ничтожныя газетишки, выходившія дважды въ недѣлю; одна изъ нихъ издавалась въ Мадридѣ. Театръ былъ въ совершенномъ упадкѣ, и спектаклю рѣшительно предпочитался бой быковъ, а король, чтобы не скучать и не быть одному въ театрѣ, разсылалъ по улицамъ своихъ лаксеевъ, чтобы приглашать прохожихъ даромъ. Зато религиознымъ церемоніямъ не было и счету. Цѣлая половина дней въ году принадлежала праздникамъ. Между тѣмъ, какъ въ странахъ менѣе фанатическихъ особенною популярностью пользуются радостные, свѣтлые праздники, напримѣръ, Пасха и Рождество, въ мрачной, изувѣрной Испаніи наиболѣе выдвигаются впередъ такіа мрачныя празднества, какъ, напримѣръ, страстная недѣля съ своими потрясающими процессіями и церемоніями, внушающими религиозный ужасъ. На перекресткахъ улицъ, на площадяхъ и въ переулкахъ, всюду были устроены ниши со статуями и иконами святыхъ; по ночамъ передъ ними теплились свѣчи и лампады, и это было единственное уличное освѣщеніе. Противъ засухи, голода, наводненія, скотскихъ падежей и всѣхъ болѣзней боролось одно лишь духовенство своими заклинаніями и тому подобными средствами. Больные обращались не къ лѣкарямъ, а къ амулетамъ и реликвіямъ. Доходы церкви превосходили доходы государства. Обнищавшая страна кормила 150,000 монаховъ, монахинь и поповъ; на каждую тысячу жителей приходилось 11 духовныхъ. Скопля громадныя богатства, поддерживая и развивая нищенство, оковывая умъ, пропагандируя аскетизмъ и смиреніе, духовенство въ то же время развивало въ народѣ всевозможные пороки. Оно систематически развращало женщинъ, портило мальчиковъ, плодило незаконныхъ дѣтей и смотрѣло съвозъ палачи на то, какъ религиозныя процессіи и торжества сплошь и рядомъ оканчивались оргіями. Монастыри, какъ и въ средніе вѣка, были притонами разврата и тунеядства. Поддерживая фанатизмъ, лицемеріе и пустосвятство, духовенство воспользовалось событіями въ сосѣдней Франціи, чтобы усилить вражду испанцевъ ко всякой прогрессивной идеѣ, и поддерживало въ нихъ тотъ ложный патриотизмъ, въ силу котораго право-

вѣрная, но нищая, невѣжественная, безоружная Испанія считала себя богоизбранною націей и готова была выйти на бой со всей Европой, въ надеждѣ на одну только общаему патерами сверхъестественную помощь. Наконецъ, благодаря тому же духовенству главнымъ образомъ, мы видимъ непомѣрное развитіе той роскоши, которая существуетъ какъ будто для того только, чтобы рѣзче обрисовался контрастъ между нею и нищетою страны, вопіющей бѣдностью народа, нечистотою городовъ, грязью заулисной домашней жизни и строгостью проповѣдуемаго всюду аскетизма. Это не комфортабельная роскошь англійскаго лорда, а роскошь на показъ, удовлетворяющая пустому самолюбію, ослѣпляющая бѣдную массу и повергающая ее въ прахъ передъ такимъ грандіознымъ величіемъ. Народъ бѣденъ, нищъ, но католическіе храмы и монастыри великолѣпны, а изъ духовенства даже люди самыхъ строгихъ правилъ живутъ роскошнѣе иныхъ королей. Кардиналъ Химинесъ, напримѣръ, носилъ на тѣлѣ власяницу и рясу нищенствующаго монаха, но прикрывалъ ихъ великолѣпнымъ костюмомъ своего званія; онъ питался зеленью и кореньями, спалъ на голыхъ доскахъ, и въ то же время жилъ въ самой роскошной обстановкѣ, достойной любого государя. Поражая народъ такимъ великолѣпіемъ, духовенство и воспитанные имъ высшіе классы внушали ему не меньшее благоговѣніе своей неприступностью, гордостью и повелительностью. Что у народа, развившагося иначе, возбудило бы одно только недовольство и раздраженіе, въ Испаніи повергало его въ прахъ, и онъ съ умиленіемъ лобзалъ ноги своихъ старѣйшинъ.

Ко всѣмъ другимъ бѣдствіямъ описываемаго времени присоединилось еще сильное броженіе въ колоніяхъ, готовыхъ отдѣлиться отъ Испаніи и тѣмъ лишить ее послѣдняго источника богатствъ.

Главною цѣлью колоніальной политики было извлеченіе золота и серебра, которыхъ одно только правительство получало изъ Америки съ 1492 г. до 30 миллиардовъ франковъ. Завоевавъ необозримую роскошную страну, ограбивъ жителей, разрушивъ туземную цивилизацію, истребивъ милліоны индѣйцевъ и водворивъ рабство негровъ, — испанцы опочили отъ трудовъ, и колоніи погрузились въ сонную, апатичную жизнь, нарушаемую только по временамъ жестокими притѣсненіями правителей да взрывами анархическихъ мятежей. Торговля и промышленность колоній были регулированы такъ, чтобы держать ихъ въ постоянномъ безсиліи и постоянной зависимости отъ метрополіи. Въ дѣлѣ управленія испанское правительство стремилось не къ тому, чтобы слить разнообразныя элементы народонаселенія, но чтобы разъединить ихъ и, разъединивъ, обезсилить. Каждому сословію, каждой расѣ, каждому учрежденію оно создавало противовѣсъ въ другихъ сословіяхъ, расахъ и учрежденіяхъ. Поддерживая маіораты и дворянство, оно мѣшало развитію свободнаго земледѣльческаго сословія; оно вооружало духовенство противъ городскихъ совѣтовъ; назначая чиновниками исключительно тузем-

цевъ Испаніи, оно ставило ихъ во враждебныя отношенія къ испанцамъ Америки, а этихъ послѣднихъ къ инородцамъ. Но вредѣе всего было то нравственное иго католицизма, которое давило Америку еще больше, чѣмъ Испанію, и послѣдствія котораго существуютъ до сихъ поръ. Ради краткости, мы остановимся здѣсь только на судьбахъ Парагвая, исторія котораго вполне выясняетъ всю гибельность католическаго деспотизма даже въ самой мягкой его формѣ. Миссіонеры осуществили въ Парагваѣ свой идеалъ «свободнаго» католическаго государства. Обративъ туземцевъ въ христіанство, принизавъ ихъ къ вѣрѣ посредствомъ театральнаго, эффектнаго богослуженія, увеличивъ число жителей своихъ колоній посредствомъ военныхъ набѣговъ на индѣйскія племена и захватовъ туземцевъ въ плѣны цѣлыми толпами, отцы іезуиты заставляли ихъ работать, и, устроивъ имъ безбѣдную, достаточную жизнь, превратили ихъ въ довольныхъ судьбою животныхъ, безпрекословно трудившихся по приказамъ и программамъ начальства. Вся жизнь колоній была напередъ расписана по частямъ и мельчайшимъ подробностямъ. Утромъ жители шли въ церковь, подъ надзоромъ своихъ опекуновъ; потомъ отправлялись на работы, распределяемыя миссіонерами, которые однихъ заставляли плотничать, другихъ копать, третьихъ воздѣлывать землю. Инспекторы неотлучно слѣдили за работами, направляли ихъ, наказывали лѣнливыхъ, поощряли послушныхъ. Миссіонеры раздавали индѣйцамъ земельные участки, выдавали имъ сѣмена для посѣва, принимали сжатый хлѣбъ въ общественные магазины и распоряжались послѣдними. За малѣйшія отступленія отъ приказаній, за лѣность, пьянство, развратъ, за каждый церковный грѣхъ, за самое невинное проявленіе личной гордости или умственной самодѣятельности индѣйцевъ наказывали тѣлесно, или, по выраженію самихъ миссіонеровъ, «давали имъ предвкушать сладость мученичества». Посредствомъ исповѣди іезуиты знали всю подноготную семейной жизни и сдѣлали то, что каждый индѣецъ шпионилъ на каждого. Дѣтей воспитывали на общественный счетъ, пользуясь образованіемъ для порабощенія ума «благому и сладкому игу» католицизма. Въ колоніи было запрещено вѣздаться даже испанцамъ, кромѣ губернатора и епископа, да и за послѣдними на каждомъ шагѣ слѣдили шпионы. Войско получало оружіе только на время похода, по окончаніи котораго оно отбиралось и складывалось въ арсеналы, а офицеры, возгордившіеся своими побѣдами, получали урокъ смиренномудрія посредствомъ тѣлесныхъ наказаній. Послѣ изгнанія іезуитовъ, возбудившаго неудовольствіе и волненіе какъ въ Парагваѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ Америки, Парагвай очутился въ самомъ плачевномъ состояніи. Туземцы, отвыкшіе отъ всякой самостоятельности и невѣжественные до того, что не знали даже употребленія денегъ, погрузились въ неисходную бѣдность, вымирали отъ голода и эпидемій, и даже въ обыкновенное время болѣные составляли пятую часть народонаселенія. Когда, силою обстоятельствъ, Парагвай очутился независимымъ, то имъ тотчасъ

же завладѣлъ докторъ Франсіа и восстановилъ въ немъ прежнюю іезуитскую систему всесторонней опеки, водворилъ такой военный деспотизмъ, на который съ ужасомъ смотрѣла даже Южная Америка. Чтобы дать понятіе о результатахъ системы, царствовавшей въ Парагваѣ болѣе ста лѣтъ, припомнимъ, что недавно владычествующій въ немъ Лопецъ, затѣявъ безумную войну съ Бразиліей, Уругваемъ и Аргентинской республикой, встрѣтилъ въ своихъ подданныхъ одно безусловное вниманіе. Онъ разстрѣливалъ генераловъ за ихъ военные неудачи; въ 1865 г. за неуспѣшный походъ онъ разстрѣливалъ десятого изъ солдатъ и половину офицеровъ. Состоявшая при немъ коммиссія изъ трехъ поповъ просто неистовствовала въ странѣ, захватывая и казня всѣхъ подозрительныхъ ей лицъ, не только парагвайцевъ, но даже иностранцевъ и дипломатическихъ агентовъ. 1,900 женщинъ изъ лучшихъ семействъ были закованы въ цѣпи и сосланы на сельскія работы. «За весьма немногими исключеніями, — говорятъ одинъ писатель, — Лопецъ погубилъ лучшую и самую почтенную часть парагвайскаго народонаселенія; онъ разстрѣливалъ самыхъ знатныхъ лицъ безъ всякаго суда. Онъ умертвилъ женъ всѣхъ бѣжавшихъ парагвайцевъ; такой же участи подвергались иностранные купцы. Всѣхъ жертвъ насчитываютъ до 180,000 человекъ».

Въ Перу, Мексикѣ и другихъ испанскихъ колоніяхъ господствовала система управленія, подобная парагвайской, и принесла подобные же, хотя и не столь гибельные плоды. Впрочемъ, при Карлѣ III, какъ мы уже говорили, испанское правительство, изгнавъ іезуитовъ, допустивъ свободу торговли и сношенія съ иностранцами и произведя нѣсколько другихъ реформъ въ своихъ колоніяхъ, пробудило въ нихъ не только промышленную, но и умственную жизнь. Колоніи начали принимать европейскій видъ, въ нихъ возникало образованное городское сословіе, открывались новыя учебныя заведенія, начались наемѣшки надъ схоластическою испанскою ученостью, развивался скептицизмъ, чувствовалось вліяніе французскихъ энциклопедистовъ. А съ тѣхъ поръ, «какъ колоніи подверглись сильному вліянію заграничныхъ событій — освобожденія Сѣверной Америки и французской революціи, — событій, начавшихъ собою новый политическій вѣкъ, — идея независимости уже не могла быть подавлена. Съ этихъ поръ вице-короли не переставали доносить о неспокойномъ состояніи головъ и сердецъ, о подстрекательствахъ чужеземцевъ, о пропагандѣ республиканскихъ идей. Теперь инквизиція было повсюду много работы; американцы читали, писали и перепечатывали грубымъ, деревяннымъ шрифтомъ запрещенныя французскія книги; умственные и политическіе интересы питались этими запрещенными плодами. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ той быстрою яркостью, которая составляетъ особенность всѣхъ колонистовъ, образовалась восторженная молодежь, павшая потомъ первою жертвою въ передовыхъ битвахъ революціи» (Gervinus). Когда же, съ воцареніемъ Карла—Годоя, правительство начало